

Л.М. Замятин: «Мой отъезд в Лондон был назначен на 28 апреля. Было получено согласие на мое назначение британского правительства, или, как говорят дипломаты, получен агрeman. За день до отъезда меня пригласил Горбачев.

– Тебе в Лондоне надо вести себя как советский лорд, – пошутил он.

Разговор был короткий, и все же у меня осталось впечатление, что Горбачев чем-то озабочен, встревожен, что, беседуя о Лондоне и советско-английских отношениях, он думает о чем-то другом и в действительности ему вовсе не до шуток. В чем дело?

Все прояснилось, когда я прилетел в лондонский аэропорт Хитроу. Меня встречал представитель британского протокола и советник-посланник нашего посольства Г. Гвенцадзе. Он сразу же отвел меня в сторону и сказал: «Хотя послы проходят через особую комнату VIP, куда прессу обычно не допускают, вас ожидает огромное число журналистов. Вопросы будут в основном об аварии, которая произошла 26 апреля на атомной станции в Чернобыле. Вы что-нибудь сможете сказать представителям печати?». Вопрос был для меня совершенно неожиданным: ни Горбачев, ни Лигачев, у которого я также побывал накануне отъезда, о Чернобыле даже не упоминали. Положение у меня, как нового посла, было незавидное... Весь мир, как сообщил Гвенцадзе, потрясен катастрофой в Чернобыле, мировая пресса пишет об этом с нарастающей тревогой, а член ЦК КПСС, новый посол СССР в Лондоне ничего об этой катастрофе не знает... Как это объяснить? Выход один: быть честным.

– Я приехал из Москвы без какой-либо новой информации, – сказал я обступившим меня журналистам. – Знаю лишь то, что опубликовано в английской прессе...

В Лондон я приехал с конкретным и важным поручением Горбачева – без промедления встретиться с Премьер-министром Тэтчер, которая через день должна вылететь в Токио на встречу глав семи ведущих западных государств, и передать ей письменное послание и устное сообщение

советского лидера. Выполнить это поручение было не так-то просто: по существующему в Англии протоколу Премьер не должна принимать посла до тех пор, пока он не побывал в английском МИДе, да и сама встреча с Премьер-министром должна организовываться по согласованию, Министерством иностранных дел, а отнюдь не секретариатом самого Премьера. Не говоря уже о том, что до тех пор, пока новый посол не вручил верительные грамоты, он вообще юридически еще как бы и не является послом.

Попросил позвонить в приемную Премьер-министра и сказать, что у нового посла, пока еще не аккредитованного, есть официальное и срочное поручение от Горбачева, и я должен видеть Премьер-министра до ее отъезда из Лондона. Реакция на эту просьбу последовала незамедлительно: Премьер готова принять посла!

Так Тэтчер сразу же продемонстрировала, что она придает контактам с советским лидером особое значение и готова ради укрепления этих контактов даже на нарушение традиций – факт для британской дипломатической практики почти беспрецедентный.

Мое сообщение, сделанное Премьеру от имени Горбачева, касалось возможности продолжения его контактов с Рейганом. В письменной части послания содержался перечень вопросов, которые могли быть предметом такой встречи. Одновременно было сказано, что, хотя итоги “Первой Женевы” получили в мире в целом позитивный резонанс, противники соглашений с Советским Союзом в США сумели организовать враждебную кампанию в печати; нашлись и такие политики, которые утверждают, будто встреча в верхах была нужна лишь Горбачеву. Михаил Сергеевич, сказал я, решил воспользоваться “особыми отношениями” Тэтчер с Рейганом и через нее довести до Президента свою точку зрения на попытки определенных кругов создать такую атмосферу, которая отнюдь не благоприятствует добрым отношениям Восток – Запад. “Если в США считают, что мы больше заинтересованы во встрече в верхах, чем Президент Р. Рейган, и поедем в

США в любой обстановке, то там глубоко ошибаются, – излагал я послание Горбачева. – Мы за проведение такой встречи. Но при условии, что она будет происходить в соответствии с теми договоренностями, которые уже достигнуты в Женеве, станет шагом вперед, принесет практические результаты, прежде всего в деле прекращения гонки вооружений... Мы можем подождать, пока в Вашингтоне возобладают соображения разума”.

Направляя послание Тэтчер, Горбачев рассчитывал на ее понимание советской позиции – и не ошибся. Тэтчер в целом поддержала Горбачева. А вернувшись из Токио, высказала убеждение, что Президент США хочет продолжения контактов, что он – за резкое улучшение отношений с Советским Союзом. Он, говорила она, хорошо понимает цену свободы. Он стремится сохранить мир. Это подтверждает и тот факт, что сразу же после избрания на пост Президента в 1980 году именно он направил советскому руководству послание с предложением о мире, написанном, кстати, собственноручно. Рейган, заметила в этой связи Тэтчер, глубоко обижен и разочарован, когда получил на свое послание формальный ответ, напечатанный на пишущей машинке. “По этому поводу можно, конечно, иронизировать, однако данный факт положительно характеризует Рейгана. Я же, со своей стороны, рада тому, что в какой-то мере смогла содействовать организации советско-американского диалога, который, надеюсь, поможет снизить уровень отчужденности”, – сказала Премьер. А в письменном послании от 19 мая 1986 года, адресованном лично Горбачеву, она, излагая свою позицию с учетом ее разговоров в Токио с Рейганом и другими лидерами “семерки”, писала: “Я приветствую Вашу инициативу написать мне перед токийским саммитом. Проблемы, которые мы с вами обсуждаем, являются весьма важными для обеих наших стран, для наших, соответственно, союзных государств и для всего международного сообщества...”».